

Не просто слово

Ник Крамов

«Убийства чести» до сих пор совершаются по всему миру. Иногда у них даже нет причины, лишь повод...

12+

Ник Крамов
Не просто слово

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Крамов Н.

Не просто слово / Н. Крамов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Повесть «Не просто слово» Ника Крамова затрагивает большую проблему современного мира, скрывающуюся за непонятным для большинства людей понятием «убийство чести». 20 тысяч людских жизней в год приносится в жертву не только в странах Азии и Африки, но и в благополучной Европе. Повесть рассказывает о выборе, который может сделать человек в подобной ситуации, и об отсутствии альтернативы для жертвы общественного мнения, независимо от наличия за ней вины. Прочтение повести вряд ли оставит кого-либо равнодушным к данной теме, ведь «убийства чести» происходят в наши дни, может, даже прямо сейчас.

«Убийство чести» – убийство члена семьи, чаще всего (но не обязательно) женского пола, совершённое родственниками за навлечение на семью «бесчестия». Материал из Википедии.

Под «бесчестием», пятнающим репутацию семьи, обычно подразумеваются запретные в данной культуре действия сексуального характера, вероотступничество, отказ от брака по договоренности, позднее возвращение домой...

Дзыньк, мелодично звякнула пряжка потертого кожаного ремешка, стягивающая ружейный чехол. Дзыньк, звякнула в ответ ее подружка. Видавший виды чехол темно-вишневого, местами черного от масла цвета, толстого, старого, как и само ружье, брезента. Не манерный кожаный с ровными строчками, не современный пластиковый кейс, в котором ружье возлежит на мягком поролоне как персидский шах из детской сказки, а самый обычный, купленный, вероятнее всего, вместе с самим ружьем в том же магазине, и также вероятно один из самых дешевых, если не самый дешевый, но от этого совсем не проигрывающий своим более дорогим собратьям. Потому что с самим ружьем они как братья, оба недорогие, но качественные, на все сто выполняющие свою основную задачу, чехол – хранить, ружье – убивать. Как модель одноствольная – с одного выстрела, наповал.

Развернув на столе чехол, Ибрагим Александрович долго смотрел на его содержимое. Как и в детстве, когда ружье принадлежало отцу, так и сейчас, перед ним находился приклад, вырезанный из березы и покрытый темно-красным лаком, цевье такого же цвета и материала, и ствол шестнадцатого калибра. Не самый крупный, но и с таким охотиться в горах практически не на кого, ну разве что на бурого медведя. Все три части охотничьего ружья были вставлены в глубокие кармашки, исключаящие удары друг по другу при транспортировке, и торчали оттуда совсем немного, только чтобы было удобно вытаскивать. Патронов в чехле не было, патроны хранились отдельно в распечатанной пачке на той же полке под потолком, где и ружье. Это было неправильно, при проверке Ибрагима Александровича могли оштрафовать, но никто никогда не проверял условия хранения оружия в его селе, по крайней мере за последние тридцать лет он такого припомнить не мог. Да и какая разница как хранить, если найдут ружье воры, найдут и патроны, городить огород из-за такой ерунды было глупо, все это понимали, а чтобы дети оружием не баловались, их надо правильно воспитывать, с уважением и к оружию, и к словам взрослых.

Последний раз Ибрагим Александрович открывал чехол лет пять назад. Нет, он знал, что чистить даже не используемое ружье необходимо регулярно, лучше раз в месяц, но не чистил и чехол не открывал. Лежит и лежит себе, есть, как говорится, не просит. Не был он охотником, и любителем пострелять особенным тоже не был. Мужчиной он был, и когда пять лет назад в соседнем селе произошло убийство, он решительно собрал оружие, набил патронташ картечью и вместе с односельчанами отправился прочесывать местность, выделенную для поиска преступника его селу. Он знал как им пользоваться, но охотиться на дичь, в то время как любое мясо можно купить в магазине, не хотел. А стрелять по банкам считал расточительством и баловством недостойным взрослого мужчины. Старинная масленка с веретенным маслом, по-простому с веретенкой, стояла слева, чтобы не мешала при манипуляциях со сборкой и разборкой и не полетела, незамеченная, на пол. Так было во времена его детства, так было и сейчас. Рядом с масленкой лежала чистая ветошь для протирки, шомпол, ершик, вишер и другие принадлежности для сборки-разборки и чистки.

Сегодня ершик был не нужен, Ибрагим Александрович покрутил его в руках и отложил на место. Ружье не стреляло, значит налета свинца и порохового нагара нет, и ершиком чистить не за чем. Последний раз он стрелял лет десять назад, когда старый друг позвал на охоту на

зайца. Не очень-то он и хотел этой охоты, но друг из дальнего села пригласил впервые за много лет, встретил как дорогого гостя, и не принять предложение поохотиться Ибрагим Александрович не мог. А если уж принял, то стрелять мимо и делать вид, подыгрывать, он не стал, счел ниже своего достоинства. Сказал «да», значит «да». Убил зайца с первого же выстрела, к нескрываемой зависти друга – с предельной дистанции, посчитал обязательство выполненным и больше не стрелял. Он не боялся промазать, он знал что попадет всегда, помня слова отца, очень хорошего стрелка, что дело не в ружье, не в заряде пороха, не в освещенности или силе ветра, дело в уверенности в себе. В том, что не глаз направляет пулю, а дух, и если дух чист и неколебим сомнениями, то и промаха не будет. В тот раз он долго чистил ружье, и ершиком от возможного нагара, сперва капнув в ствол керосина, и пыжами, и чистой ветошью. Почистил, смазал и убрал. Сын примет по наследству, он будет чистить или как хочет, или как научили, а пока так.

Взяв ствол, Ибрагим Александрович посмотрел сквозь него на свет, идущий от окна. Ствол был покрыт тонким слоем масла, за годы ставшего почти незаметным, и тускло светился. Было десять часов солнечного субботнего утра, сегодня из интерната приедут дочь и сын. В маленьком селе нет такого количества взрослых детей, чтобы работала полноценная школа, поэтому начиная с седьмого класса все ребята учатся в школе-интернате в райцентре, и домой приезжают только на выходные. Последние пять лет приезд детей был самым радостным событием, но только не сегодня, сегодня от него веяло холодом, и если бы можно было сделать так, чтобы дети не приехали, то Ибрагим Александрович сделал бы так, не задумываясь о цене. Десять, значит скоро они будут здесь.

Навинтив на шомпол вишер и вставив в его отверстие кусочек ветоши, Ибрагим Александрович взял ствол в левую руку и не спеша стал водить шомполом по всей длине ствола, равномерно, от дульного среза до патронника и обратно, много раз повторяя одни и те же движения. Вытащив шомпол и убедившись, что ветошь испачкана в старой смазке, он сменил ее и продолжил. Механическая работа позволяла думать, это было сродни трансу, да что там говорить, трансом это и было, даже чистка патронника с другой стороны ствола не прервала ход его мыслей. В четверг у него был гость. Такой гость, про которого говорят, что незванный гость хуже татарина. И такой, от которого «жди от гостей всяких вестей». И пожелание могло бы быть такому гостю: «откуда пришел, туда б и ушел». Ну а результат этого визита – и вовсе «гость на двор – и беда на двор». Народ знал, о чем говорил. Да, большинство поговорок благоволят гостю, приманивают его и счастье с достатком в дом вместе с ним, но не все, не все. Незванным гостем был двоюродный брат по отцовской линии, живущий в соседнем селе, и с которым виделись нечасто, причем не жалея об этом. Поборник нравов, замечающий то, что нормальные люди не видят, даже если и специально указать. Новость, принесенная Муслимом, была совсем не новостью, точнее новостью, но не для Ибрагима Александровича. Отчество «Александрович» приклеилось к нему в школе, где почти тридцать человек учеников уважительно называли так своего любимого учителя, и родители, не желая ронять его авторитет, продолжали традицию, и в селе со временем не осталось людей, которые называли бы его просто по имени, Ибрагим, как это было раньше, до того, как он из автомеханика превратился в учителя. Его дочь видели идущей за руку с мужчиной. И все. Это позор, который семья должна смыть кровью. Ни много, ни мало. Может, и обошлось бы срезанием волос и измазыванием головы зеленкой, но нет, не обошлось. Поборник нравов сразу заявил, что не обойдется, что слух уже ходит, и что люди ждут самого строгого наказания. Родственники должны совершить убийство чести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.